

Часть первая

НАУКА БЫТЬ СОБОЙ

1

— И еще мор. — Смотрящий чародей сверился с картой, висящей на стене; на ней иголками были прищиплены полоски пергамента с неясными пометками. — Мор в Мыльняках.

— Мор? — задумчиво переспросил Филипп, заправляя за ухо темную прядь, вылезшую из растрепанного хвостика.

— Коровий, — нехотя пояснил смотрящий. — Дохнут одна за другой, там уже все село на ушах стоит, собрали гонца в Береговницы, приехали ко мне. Чуть не на коленях ползали: пошли им колдуна... А никого нет, хоть сам езжай!

— Что же не поехали? — удивилась русоволосая девушка, похожая на Филиппа, как сестра.

Смотрящий Береговниц и окрестных деревень Павелий лишь ус дернул:

— Стар я в телеге-то трястись.

— Ехали бы верхом... — хмыкнула девушка. Филипп метнул на нее гневный взгляд, она послушно замолкла и снова принялась изучать карту.

— Давно приезжали? — попытался исправить ситуацию парень.

— Три дня назад.

— И что, за три дня ни одного колдуна не проходило?

— А также не проплывало... Был один, да только на мое распоряжение он плевать хотел.

— Цитаделец?

— Нет. Наш — инесский, имя у него еще... язык сломаешь. Да ты, сынок, встретишь его. Он домой ехал, говорил, торопится к Владычице на прием, никак ему в Мыльняки не захватить. Он будет там пироги кушать, а у меня рогатый скот десятками косит! — Павелий, видимо, забыл, что сам трястись в телеге отказался.

— Ладно, давай свою грамоту, я подпишу.

— Сынок! Возьмешься?

— Хотите сами?

— Нет уж!

По содержанию парень лишь пробежал глазами и подмахнул витиеватой закорючкой:

— До свидания, милсдарь смотрящий.

— До свидания, милсдарь Филипп, до свидания, сударыня Айрин.

За дверью Филипп вlepил девушке подзатыльник.

— Ты мне что обещала?

— Что буду молчать как немая, — заученно ответила она, лукаво щурясь.

— Так закрой свой рот поганый! И благодари меня, что я милостиво взял тебя с собой!

— Так мне благодарить или молчать?

— Твое молчание — лучшая благодарность!

— А худшая?

— Твое присутствие, — выдохнул он. Они вышли из прохладных сеней дома Павелия в теплый июльский воздух.

— Айрин! — крикнул Филипп, девушка попыталась сделать вид, что обращаются не к ней.

Лошади, привязанные у крыльца, обьели серебристый кустарник, причем, если судить по сохранившейся стороне, нежно любимый смотрящим и аккуратно им подстриженный.

— Поехали отсюда быстрее!

Айрин влезла на Пеструшку и тихонько тронула ее пятками.

Лошадка была славная, хоть имела дурную привычку с малейшего резкого движения уходить в галоп. Пеструшка переступила с ноги на ногу, лениво дернула задом и осталась стоять на месте. Пришлось девушке ударить ее сильнее и подбодрить ее руганью.

— Поганка ты гречневая, отвлекись, давай, от своего кустика! — прикрикнула Айрин. «Давай» понравилось лошади больше всего, и Пеструшка пошла рысью. Девушка, неготовая к столь прыткому началу, неловко взмахнула рукой, которой пыталась подтянуть сползший стременной ремень. — Стой, зараза, кому говорят!

Удовольствовавшись представлением, лошадь успокоилась и перешла на шаг. Седло перекосило. Айрин, чертыхаясь, скатилась с лошади, поправила седло, затянула подпругу, для чего пришлось пнуть надувшуюся мерзавку. После пинка Пеструшка обрела осиную талию и дала затянуть пряжки.

— Это наказание, — догнал ее Филипп. — Под стать тебе лошадка: тебе тоже одно говоришь, а ты другое слышишь.

— Ты мне вообще ничего не говоришь, только ворчишь как старая бабка. Раньше ты так себя не вел.

— Раньше тебя за ухо оттаскать можно было или папе с мамой наядбедничать, сестренка.

— Что теперь мешает? Почетный пост?

— Тебе он не светит, не переживай, — мрачно отвечивал ей брат.

Айрин тоскливо оглядела сельскую улочку, где в пыли играли дети. Детям не объяснишь, что играть в пыли или грязи нельзя, им хочется, и они играют.

— Зато я могу помочь тебе с мором! — обрадованно сообщила девица.

— Если наша помощь вообще потребуется. Может статься, нам поручат исключительно сжигать туши. — Филипп повернул голову в ее сторону и спросил: — Ты не хочешь в Милрадицы, верно?

— Я не хочу быть знахаркой.

— Выбери что-то другое, тебе же никто не навязывает!

— Так... давай подумаем, — хмыкнула Айрин. — На стратегию и тактику девушек не принимают, с алхимии меня исключат после того, как я разобью жутко важную склянку и взорву эту школу к бесам, лесная наука набирает пять человек, и, по странному стечению обстоятельств, они тоже все мужского рода... Что я забыла?

— Искусство, — включился в игру брат.

— Чужие произведения критикую излишне злобно.

— Сельское хозяйство?

— Животных люблю. Не люблю людей, которые их обижают, аж руки о меч чешутся.

— Военное дело? — Тут она ехидно подняла бровь и, посмотрев, что улица обезлюдела, ушла в галоп. Догнал ее Фил уже за границей села, где она остановила Пеструшку и позволила прожорливой лошади жевать понравившуюся елочку. — Да, при твоей дисциплине... Но на твоём месте я бы не отказывался так легко от искусства, ты могла бы писать баллады.

— Фил, очнись, я лютню не могу настроить, а когда играю, путаю пальцы и сбиваюсь.

— Учись играть на арфе!

— Я хочу быть колдуньей. Как мама, как ты, как вся Инесса. А вместо этого хожу и думаю о том, не что мне нравится, а от

чего меньше воротит! Давай о море поговорим или о твоём назначении, а? Ты когда работать начнешь?

— После сенокоса.

— А отряд большой?

— Двенадцать человек. Десятилетки. — Он говорил неохотно, будто на допросе.

— А кто ещё с ними заниматься будет? Хорхе?

— Нет, первые два года только я, потом уже посмотрим. У меня есть идея вообще провести реорганизацию обучения.

— Ты ещё ни одного занятия не отвел, наставник!

Филипп наградил сестру кривой усмешкой и без предупреждения пришпорил коня. Они были похожи не только внешне.

Мыльняки предупредили о себе загодя: ещё даже частокол и крыши не показались, а брат с сестрой уже поняли — подъезжают. Воронье кружило черным облаком, будто здесь была битва, но кружило как-то странно. Польстившись на сладкий запах разложившейся плоти, ни одна птица не рисковала её расклевывать, лакомясь.

Могильник — вот что встречало путников первым в селе Мыльняки, славившемся двумя промыслами: мыловарением и заводом мясных коров. Буренки лежали в выкопанной траншее, некоторые будто живые, некоторые начавшие разлагаться. Некоторые — судя по черным следам в траншее — уже сгоревшие в очистительном пламени.

— Значит, он все-таки поехал сюда, — тихо произнес Филипп.

— Кто?

— Тот колдун, о котором говорил смотрящий.

Айрин с трудом отвела взгляд от теленка, по глазницам которого ползали мухи.

— Мы опоздали, да?

— Лошадей придется отпустить, нечего им в селе делать.

Дальше шли пешком. Пеструшка попыталась увязаться за хозяйкой, но парень отпугнул её заклинанием, выставив отвращающий барьер в версте от забора.

Теперь ни одна тварь его не пересечет, пока он не снимет заклатья. Или не умрет.

Ворота стояли нараспашку, на улицах — пусто как ночью. И везде воронье: на заборах, плетнях, деревьях, крышах домов.

— Эй! Вы кто? — Грязный, вымазанный в навозе мужик со включенной бородой направил в сторону пришельцев вилы.

— Колдуны, милсдарь хороший, смотрящий в помощь отрядил.

— С чегой-т такая доброта? Аж три штуки, или боятся, что и до них коровья смерть дойдет?

— А как не бояться! Да и вам подмога нужна! Верно? — Мужик подошел к ним ближе, он был на полголовы ниже долговязого Филиппа и в два раза шире, будто гном.

— Деньги у нас нет, мы и тому колдуну так сказали!

— Ушел? — усмехнулся молодой чародей, знал — этот заказ оплатит вся округа Береговниц.

— Не ушел. Вон идите в большой коровник, там он с оставшейся скотиной.

Село доселе бед не знало. Домики были старые, скатанные еще прадедами местных жителей, но справные и ухоженные. Ставни изукрашены резьбой, как и карниз, и трехступенчатые крылечки. Дранка на крышах свежая, сочащаяся смолой на летнем солнце. У колодца — тоже не обиженного умелым резчиком, стояла новая дубовая бадья. А вот коровник выстроили недавно. Общий, один на все село, и тоже строили с какой-то небывалой любовью, но любовь коров не спасла.

Колдун сидел на пороге и курил длинную деревянную трубку. В вороных волосах, связанных на макушке узлом, блестя нити ранней седины. Ранней потому, что на бледном осунувшемся лице совсем не было морщин.

— Филипп? — удивился колдун.

— И тебе не хворать. Что же ты смотрящему отказал?

— Торопился. — Он еще раз затянулся.

— Хм? Так почему ты еще не в Инессе?

— Лошадь занесла, — отшутился колдун усмехаясь. Он вытряхнул трубку и убрал в кожаный чехол. — Видишь как? Ученицу взял? Не рано?

Сверкнули холодные белесые глаза.

— Это моя сестра. Айрин.

— Похожа. Пусть уходит.

— Что? — удивилась девушка.

— Ты человек, тебе здесь нечего делать, — пожал плечами мужчина, встал, поддернул рукава грязной рубашки и ушел в коровник. Айрин непонимающе уставилась на брата.

— Не обращай внимания. — Фил сбросил сумку на скамью и тоже закатал рукава. — Пойдем.

Полумрак в коровнике разбивали лучи вечернего солнца, струящиеся из окон под крышей.

Пахло смертью. Колдун стоял напротив сонной буренки и будто вел с ней безмолвную беседу. Филипп перелез через жерди загона и обошел корову по кругу. Пощупал язву на боку. Ладонь его слабо светилась — заклятием предохраняя от заразы.

— Она должна уйти, — спокойно повторил колдун, но Айрин уже перемахнула через ограду и подошла к ним.

— Это чума?

— Да, — хором ответили мужчины.

Бело-рыжий теленок боднул девушку под коленки, а стояло протянуть ладонь, умильно уткнулся в нее носом. Тонкая девичья рука погладила безрогую голову, почесала торчащее рыжее ушко.

— Сейчас она начнет сюсюкать и рыдать над столь милой тварюшкой. — Колдун демонстративно обращался только к брату. — А его придется убить, как и все стадо.

— Но он не похож на больного. — У теленка были ясные глаза. Он схватил губами палец девушки и начал сосать.

— Даже если он здоров, никто не рискнет оставлять животное, пережившее мор, слишком велика вероятность, что болезнь затаилась.

— Какое было поголовье? — Филипп отошел от коровы.

— Двести голов. Осталось тридцать. Я уже убил пятьдесят, которым нельзя помочь. Этим можно, но староста просил умертвить всех и зачистить коровник.

— И вы послушаетесь? — Лицо девушки покраснелось, на щеках проступил лихорадочный румянец.

— Да. Обычная просьба.

— Режешь? — Филипп кивнул на нож, висящий на поясе у колдуна.

— Нет, магией. Проще и безболезненней.

— Но он совершенно здоровый, и вон та коровка тоже!

— Айрин, иди позови мужиков! — оборвал Филипп.

Мужики сидели за коровником и тихо опустошали глиняный кувшин с варенухой.

— Что теперь будет... — вздохнул патлатый, встретивший путников у ворот.

— Что будет, то будет, — буркнул светловолосый крепыш. — Хошь, на сторону иди, хошь, с нами мыкайся.

— Прогневали мы богов. Навлекли на себя беду.
— Ты и навлек! Кто кричал, что по зиме наши колбасы у самого государя на столе лежать будут?

— А ты будто противился, все мага мечтал позвать, чтобы тот свеженькие перенес аж до Вирицы! Вон тебе три мага, любого бери. И на колбасу хоть всех пускай! Только долго ли мы проживем после той колбасы?

— Ну! Хватит, вспетушились, аки юнцы! — хлопнул ладонью по столу седой мужик.

— Вас в коровник зовут, — тихо проговорила Айрин, пресекая спор, но мужичье продолжило пререкаться, не обращая на чужачку внимания. Девушка поджала губы и, подойдя ближе, прикрыла ладонью кружку патлатого, из которой тот собирался отпить.

— Ты кто? — воззрился на нее патлатый.

— Вас зовут в коровник, — повторила Айрин.

— Ща придем. Иди себе, девка, не мешай.

— Напиваться?

— А ты трупы потаскай, я посмотрю, что ты запоешь.

— Трупы? — повторила она одними губами, резко развернулась и помчалась в коровник. Мужики проводили ее мутными взглядами.

В воротах коровника стояла растрепанная девчушка с зареванным лицом.

— Не дам! — крикнула она.

— Я же просил запереть всех баб! — выругался черноволосый. Филипп подошел к девушке и попытался взять за руку, но та подалась назад. — Эту тоже надо бы запереть!

— Я тебе не баба, колдун, — прошипела Айрин.

— А я тебе не колдун, девка.

— Они хотят убить их! — пожаловалась девчушка, ища поддержки.

— Я знаю, — буркнула Айрин. Трудно убедить кого-то, когда сам не веришь своим словам.

— А я их доила, по именам всех знала! — Девчушка разрыдалась, закрыв лицо руками. Айрин погладила ее по голове, исподлобья глядя на колдуна.

— Ты мог бы хотя бы попытаться объяснить, что по-другому нельзя.

— Ей? — Бледные обветренные губы опять скривила ухмылка.

— Не дам. Ромашка, моя... — подвывала селянка, уткнув-

шись в плечо неожиданной союзницы, та машинально продолжала ее гладить.

— Всё, достаточно! Уведи ее! — Филипп грустно улыбнулся, кивнул.

Секунды хватило, чтобы брат и сестра поняли друг друга. Айрин обняла девушку за плечи и повела прочь из коровника.

Селянка вырвалась с неожиданной силой, перепрыгнула плетень, вцепилась в шею понурой буренки.

— Не дам убить! Вон отсюда.

— Что за шум? — Мужики прикончили кувшин и только тогда собрались в коровник. Не больно-то торопясь в проклятое богами место.

— Они хотят их убить! — выла селянка.

— Марысь, пойдем домой. — Белобрысый мужик подошел к ограждению. — Пойдем, доченька. Пойдем, моя хорошая...

Но Марысь только крепче вцепилась в корову. Колдуну надоело наблюдать. Девушка закричала, попыталась спрятаться за буренку. Мужики стояли в воротах — спорить с колдуном они боялись. Филипп тоже не двигался.

Айрин поймала руку мужчины, не дав ухватить хрупкое девичье запястье, нажала, отводя превосходящую по силе мужскую ладонь вниз резким заученным движением.

Мир перевернулся, перед глазами замелькали необструганные доски потолка. Айрин разлеглась на полу, шипя.

— Я просил запереть баб! — повторил холодный бесчувственный голос. — Забирайте свою дуру.

Колдун легко ухватил Марысь и, сжав брыкающуюся девушку в охапке, донес до отца. Тот, ничего не говоря, принял непослушное дитяtko на руки, с неприкрытой ненавистью смотря на колдуна.

— Бесово отродье! — выплюнул он, развернулся и вышел прочь из коровника.

Айрин лежала, чувствуя, как по правой руке течет кровь. Торчащий из доски гвоздь пропорол ткань рубашки, а с ней и плоть.

— Идиотка. Сегодня мы спасем этих коровок, а завтра они заразят новое стадо. Паразиты, сидящие на них, перелезут на собак и крыс и попадут в соседнее село или деревню. Ты хочешь устроить мор по всей стране, девка?

— Вставай, Айрин! — Филипп помог сестре подняться. Девушка удивленно оглядела пораненную руку. Кровь бежала

по запястью, лилась по кисти и капала на пол. Что-то было не так. Ярко-алые, светящиеся, как языки пламени, капли сверкали в воздухе и затухали только среди гнилой соломы. — Лучше уходи.

— Сволочь. Ты мог ей это сказать, мог утешить, а не лупить несчастную девочку!

— Если я буду успокаивать каждую встречную дуру, то те, кому действительно нужна помощь, ее не дождутся.

— Я могла ее успокоить!

— Мы заметили! — ядовито осклабился колдун. — У тебя прекрасно получилось. Ты такая же глупая девка, как и она. Тебе тоже жалко разнесчастных зверушек! Тогда пожалей тех телят, коров, коз, овец, до которых дойдет чума, не уничтоженная из-за глупости деревенской девки!

Айрин молчала. Колдун был прав.

Кровь, капающая с руки, стала огненной.

Что-то внутри оборвалось, распахнулась накрепко запертая клетка.

«Сволочь, — думала она, медленно переступая ногами, отшвырнула попытавшегося удержать ее брата. Встала напротив колдуна — совсем близко, так что перед серыми глазами замаячил распушенный ворот рубахи, и задрала голову. И колдун перестал дышать. — Сволочь!»

— Успокойся, — тихо прошептал он. Пощечина получилась бы звонче, будь он брит, но руку кольнула отросшая щетина. Его отшвырнуло на пол.

«Я могу его убить. Прямо сейчас, здесь. И не только могу, но и хочу. Надо лишь выйти из клетки, вылететь на волю после восемнадцатилетнего заточения». — Мысли неслись в голове, короткие ясные звериные мысли.

«Долой клетку!»

В белесых глазах застыли ужас и... удивление. Сила струилась по худенькому телу, приглушая сознание, заливая все вокруг, расползаясь по коровнику. Теленок поднял голову. Сонная корова встрепенулась, как и двадцать восемь ее подруг. Филипп вскочил, ошарашенно вертя головой. Мужики отступили назад.

Колдун сорвался с места.

«А я даже не знаю, как его зовут», — подумала Айрин, стремительно уходя из-под удара. Он прыгнул, но девушка оказалась быстрее. Ударил сама. Не рукой — плетью силы.

«Убить его. Сейчас».

Но невидимая преграда обороняла черноволосого. Капканом сомкнулись пальцы вокруг запястья, пережали рану, не давая капать крови. Обезумевшая девушка попыталась вырваться, затрещали кости.

— Успокойся.

Сила забилась внутри, клетка закрывалась тяжело, натужно, но сопротивляться не получалось.

Руку он не отпустил, продолжал держать, делая больно.

— Филипп, принеси мне сумку. Вон она висит. — Парень тяжело дышал, взгляд у него был перепуганный, но сумку он принес. — Давай открывай. В маленьком кармане сверток.

Содержимое свертка напоминало вар, но явственно пахло дегтем. Колдун отщипнул кусочек и размял в пальцах.

— Попробуешь вырваться и сбежать, я тебя оглушу и приведу в сознание только в Инессе. Ясно?

— Ясно!

— Не смей даже двигаться. — Капкан разжался, ладонь, перепачканная кровью, перехватила руку чуть выше локтя. Ловкие пальцы залепили длинный и очень глубокий порез. Глухой болью отозвалась сломанная кость. — Пошли, девочка.

Мужчина вытер ладони о штаны, размазывая бурые полосы. Кровь стала обычной...

Он выставил меня за ворота, усадил на скамейку. И я села. Очень болели рука и голова.

Не знаю, сколько я так просидела, краем сознания заметила, как мужики взвалили первую тушу на телегу, за ней вторую. Вместо лошадей они втроем впряглись в оглобли, натужно потащили по дороге.

Они сделали десять ходок, последним вывезли рыжего теленка, который сосал мне палец. Мне хотелось закрыть глаза, но я не закрыла. Как и Марысь, стоявшая на дороге. Она плакала так, будто мужики везли в могилу ее отца или брата. Плакала, но глаз не закрывала. Колдуны вышли из коровника через четверть часа. Филиппа шатало от магического истощения, черноволосый ступал твердо. Из чего он сделан? Мой брат не последний колдун в Инессе и далеко не самый слабый. Когда за забором полыхнуло пламя, я все-таки закрыла глаза — теперь они слезились от едкого дыма.

Мазь спеклась твердой коркой, шевельни рукой — раскрошится, но я не шевелила. Сломанная кость ныла и без того.

— Айрин... — Фил хотел погладить меня по голове, но я от-

крыла глаза, и он отшатнулся. — Я знаю, что ты чувствуешь, но пойми...

Корка на руке начала крошиться, не дожидаясь, пока я пошевелюсь. Хлипкий замок выдуманной клетки взорвался. Сила рванулась к Филиппу. Худое тело содрогнулось, скривилось лицо, темно-каштановые волосы зашевелились на голове, как змеи.

Черноволосый сбил его с ног. Снова хрустнула кость, в этот раз жалобно. Снова захлопнулись дверцы клетки. В этот раз резко и сразу.

Будто сквозь туман я наблюдала, как колдун перевязывает мне руку и накладывает лубки. Мы могли остаться в Мыльняках на ночь, но не остались, вышли за ворота. Мужчины подозвали лошадей: Филипп зовом, черноволосый просто свистнул. Брат, кажется, обращался к нему по имени, но оно все ускользало от меня, будто память желала поскорей стереть этого человека. Избавиться от него раз и навсегда.

Ему подошел бы вороной жеребец, велманский верховой например, но прибежала рыжая кобыла со смешным розовым храпом и белой стрелкой на лбу. Пеструшка приветливо обнюхала новую знакомую. Я кое-как забралась в седло.

Мы ехали, пока я чуть не вывалилась из седла, уснув.

Болела рука. Замерзли ноги. Над головой под порывами ветра раскачивались сосны, по небу расползлись набрякшие влагой тучи, не пропускающие робкий утренний свет.

— Где Филипп?

— Уехал в Инессу, — хмуро буркнул колдун, он сидел нахохлившись у костра, похожий на большую ворону. Пук на макушке превратился в ворох не слишком чистых волос, обрезанных по плечи, щетина за ночь выросла еще больше, грозя перейти в разряд бород. Но даже борода и немытые лохмы не смогли его изуродовать до конца.

— Как тебя зовут?

— Майорин.

— И почему мой брат уехал, Майорин?

— Ему нельзя находиться сейчас рядом с тобой — опасно для вас обоих. И ему нужно предупредить твоих родителей.

— Предупредить насчет чего?

— Что их дочурка, которую они так долго считали человеком, оказалась истоком.

В этот раз я не стала переспрашивать. Я знала, кто такие истоки.

— Ты тоже должен уехать.

— Нет, мне ничего не угрожает, тебе тоже.

— Почему? — Он не ответил. Видно, не посчитал нужным. Как не посчитал нужным объяснить деревенской девочке, почему надо вырезать все стадо до последнего теленка.

Колдун ушел в лес. Я выбралась из-под одеяла. Расседланные, стреноженные лошади щипали траву. Полянка, на которой мы устроились под одиноко стоящей и оттого широко раскинувшейся сосной, с одной стороны отгородилась от мира стеной леса, с другой речушкой. Мелкая травка перемежалась мохнатыми клеверными головками. Лошади скусывали лакомые шарики, ловко обходя так и лезшие в рот лютики. В котелке остывал взвар, на лопухе лежала половина щуки, рядом горбушка черствого хлеба.

Сначала я увидела ворох сосновых веток, только потом по ногам опознала колдуна. Назвать его Майорином не поворачивался язык — заковыристое имя совершенно не подходило этому потрепанному жизнью бродяге.

— Что ты делаешь?

— Строю шалаш. Скоро начнется дождь, будет лучше, если у нас будет крыша над головой.

— Ты серьезно? Зачем? — Он снова не ответил.

Я ополоснула котелок, действовать только левой рукой было неудобно, но совсем ничего не делать я тоже не могла.

Через пару часов полог туч не выдержал — прорвался дождем, но мы успели перетащить вещи под навес, колдун соорудил его на самой кромке леса, меж двух сосен, натянув на них веревку. Перенесли и костер — горячие угли в котелке, на них накидали мелких насыпавшихся с лапника веток и шишек, сначала они только дымились, но постепенно появились робкие язычки пламени, скользящие меж длинных иголок. Колдун не произнес ни слова.

В нашей семье все были колдунами. Кто сильнее, кто слабее. Наша с Филиппом мать — одна из сильнейших в своем поколении. Отец был скорее воином, чем чародеем, но и его не обделила силой матушка природа. Филипп — воплощение мечты любых родителей, гордость моей семьи. Сильный чародей, хороший воин, обладатель незаурядного ума, порой ему не хватало решительности или, наоборот, мешали излишняя мягкосердечность и умение сопереживать, но эти черты толь-

ко украшали моего безупречного братца. Я родилась человеком — в семье, где даже кот подозрительно легко приманивает мышей, это горе.

Я не могла учиться колдовать, пришлось учиться драться и лечить. Драться получалось лучше, лекарство больше подходило для женщины. В школу общих наук меня приняли легко, я даже не особо старалась понравиться приехавшему из школы преподавателю, но принять меня на учебу, значило получить покровительство Владычицы Инессы. Мне достаточно было уметь читать и писать. Как ни странно, этим мои умения не ограничивались, и старичок облегченно выдохнул — не придется объяснять другим учителям, зачем это чучело занимает конторку в лекционном зале.

Исток. Это все меняло.

Исток — человек, носящий в себе природный источник силы, не собирающий ее, как колдуны, а вырабатывающий. Но управлять этой силой невозможно, она выходит в чистом — первозданном виде. Годами преобразующие маги искали истоки, потому что силе не нравится быть запертой в клетке, она стремится наружу. Стремится как вода в половодье заполнить все трещинки, впадинки, залить русла высохших ручейков и речушек, напоить каждое деревце и кустик. Даже если для этого придется уничтожить плотину, мешающую выйти из берегов. Плотина — человеческий разум. А колдуны — ручейки, в которые так стремится попасть вода. Черноволосый не зря прогнал Филиппа. Но почему не ушел сам? Почему брат так легко оставил меня наедине с чужим человеком? Или...

За истоками гонялись, бились за них, а истоки рождались все реже и реже, и преобразующие начали использовать накопители и строить магические форты. Для мага или колдуна исток — сокровище.

На ужин колдун принес зайца, дикого лука, таволги и чабреца. Зайца он сварил, заправил луком, а из чабреца и таволги заварил чай. Помощи он не просил, только пару раз с сожалением покосился на мою руку. Может, ему было стыдно, может, жалел, что нельзя свалить на меня готовку.

— Почему сила не пытается влиться в тебя? — Кажется, он уже *не* отвечал на этот вопрос.

— Я очень сильный маг. У меня большой запас сил. — Колдун протянул мне ложку, ела я неловко. Левая рука слушалась неохотно, будто ворча на свою сломанную товарку.

- Но и Филипп не слабый.
- Не настолько... — неопределенно сказал он.

Перед сном Майорин обошел стоянку, прочертив вокруг кривоватую линию на земле. Он не пользовался пассами и не говорил. Может, и не врет, что очень сильный маг.

Спала я плохо. Стоило задремать, как будил малейший шорох. Колдун лег, повернулся ко мне спиной и больше не шевелился, будто мертвый. На мою девичью честь он посягать не собирался, а когда я стыдливо попросила его отвернуться, чтобы переодеться, оскорбительно хмыкнул и ушел в лес.

Утреннее солнце косыми длинными лучами скользило меж стволов деревьев, лошади казались волшебными коньками, пасущимися на небесных лугах. Уже сейчас было жарко, я вылезла из-под веток. Забывшись, оперлась на сломанную руку, но не почувствовала боли.

Когда вернулся колдун, несший в руках мокрую простирную рубашку, я сматывала бинты.

— Срослась? — удивился он.

— Да. — Я демонстративно размяла кисть, сжала и разжала кулак. — Как-то быстро.

— Инициированный исток обладает практически мгновенной регенерацией. С костями только будь осторожнее, регенерация не помешает срастись неправильно, и придется снова ломать.

Зажил и порез, не оставив даже шрама.

— Теперь сила выходить не будет, — рассказывал Майорин; он искупался и переоделся в чистую рубаху. Высохнув, волосы распушились и красиво переливались на солнце. — Но разбуженный исток будет искать другие пути выхода. Ты должна научиться его сдерживать.

— И как? — Насмотревшись на чистого колдуна, я ощущала себя последней замарашкой и начала невольно почесываться. Нестерпимо хотелось искупаться, благо солнышко жарило все сильнее. Мы доедали вчерашнего зайца.

— Волей. Твое сознание должно хладнокровно душить все попытки истока вырваться наружу с помощью безумия. Малейшая вспышка злости, физическая боль — все может послужить дверцей.

— И так всегда?

— Нет. Но надо укрепить клетку, первое время очень важ-

но. Часто оно решает все: будешь ли ты сумасшедшим сосудом для силы или сможешь с ней жить.

— А управлять?

— Над этим вопросом бьются не одну тысячу лет. Я тебе на него не отвечу.

— Можно я искупаюсь?

Колдун удивленно посмотрел на меня, скривил губы в подобие улыбки и кивнул.

Я довольно долго плавала, ныряя за рыбой, надолго задерживая дыхание. Рыба в панике неслась подальше и поглубже, намного быстрее, чем может плавать человек. Но мне казалось, что раньше неуловимые для моего глаза движения я стала распознавать. Нанырившись до одури, я расплела косу и промыла волосы. Светлые пряди в воде перемежались с темно-медовыми. Помывка плавно перетекла в стирку. Рубашка после этого несколько позеленела, зато пахла только речной водой и немного мылом, которое мне дал колдун. Когда я вернулась к стоянке, у меня посинели губы и стучали зубы.

Колдун опять ушел и увел свою лошадь.

Станный это был ответ, будто не ответ вовсе. Он не сказал, что не знает, он не сказал, что управлять силой невозможно. Просто отказался отвечать. Я бродила по полянке, не зная чем себя занять, и рвала клевер, еще не съеденный лошадьми. Такого почти не осталось. Я судорожно пыталась вспомнить, что читала про истоки. Но в голову приходила только всякая глупость — байки про сумасшедших, из которых плещет сила. Этим мои вспоминаемые знания ограничивались, остальные так глубоко забрались в кладовку памяти, что обнаружить их под слоем пыли и паутины мне не удалось.

Венок получился лысоватый и кривоватый, я примерила его на голову, но, видимо, переоценила свой незаурядный ум. Голова прошла насквозь, и венок повис цветочными бусами. Белая с черным носом голова жадно потянулась к неожиданному лакомству, пытаясь сожрать цветочки вместе с моими волосами. Насилу я отобрала у Пеструшки свою шевелюру и скормила ей обслуживленное украшение. Четвероногая поганка в порыве жадности укусила меня за руку.

Может, и бывают лошади с покладистым нравом, но я их не встречала. Все коняги, на которых мне доводилось ездить, отличались дурным характером. Пеструшка объединяла все недостатки. Она не удалась мастью, хотя ее родители были об-

разцами своей породы, на белый корпус с ног заползали мелкие рыжеватые пятнышки, слишком крупные, чтобы быть просто гречкой, но мелковатые для пегости. Ноги коротковаты, круп, наоборот, широкий, а грива в мелкий кудель, в который вечно набивался всякий мусор. Кобыла была на редкость неприхотлива в еде, но ее тянуло на всякую гадость поядовитей. Последним недостатком была маниакальная дружелюбность. Лошадь хотела дружить со всеми, но проявляла свои теплые чувства в кусаниях и боданиях.

Колдун пришел перед закатом, я собрала хвороста и нало-мала лапника — дым отпугивал комаров, вылетевших на охоту, как только спала жара, и теперь сидела у огня, расчесывая спутанные волосы. Он приехал верхом, судя по туго набитым седельным сумкам — ездил в село. Пеструшка, почуяв что-то вкусненькое под толстой кожей, призывно заржала. Майорин спешился, расстегнул ремни и стащил сумки на землю.

— Мог бы и предупредить, что уедешь.

— Я должен отчитываться? — В этот раз он удивился искренне, без подделки.

— Может, я волновалась?

— По тебе не заметно. Разбери сумки, там овес.

Кроме корма для лошадей, колдун купил хлеба, сыра, крупы и вина. В отдельном свертке лежали свеженькие огурчики. Я отвлеклась на окликнувшего меня колдуна, одним огурцом стало меньше, а жующая Пеструшка звучно фыркнула, уличая меня в растяпстве.

— Хмельное расслабляет разум, освобождает дорогу истоку, — сказал колдун, откусывая огурец.

— Значит, мне нельзя пить.

— Нельзя, — подтвердил он. — Пей.

— Но...

— Лучше выпустить исток сейчас, когда, кроме лошадей, этого никто не почувствует. Пей-пей. В первый раз, что ли?

— Да нет. — Я отхлебнула и чуть не выплюнула обратно. Проглотила я с трудом. — Самогон?

— А ты чего, бражки хотела?

— Вина. Обычного вина. — Я с отвращением посмотрела на флягу. Майорин отломил мне хлеба и водрузил на него кусок сыра.

— На закуси. Ты пей, не отвлекайся!

— Я так не могу! — взвилась я. — Как можно так пить? Еще и одной!

— Ты предлагаешь составить тебе компанию?

— Хотя бы! Иначе не буду!

— Капризная дочка Владычицы. Все ждал, когда ты себя проявишь. — Но, несмотря на сарказм, флягу он взял.

— И что же будет, когда я опьянею?

— Откуда мне знать, все девки по-разному себя ведут.

— Не называй меня «девкой», колдун!

— Хочешь сказать, ты уже не девка? — Я с трудом подавила желание выплеснуть самогон ему в лицо. — Пей давай. Помни, что я сказал про злость.

— Теперь ты будешь меня злить? — Я выдохнула и отпила, маслянистая жидкость обожгла нёбо и расплавленным металлом полилась в горло. Я торопливо закусилась сыром.

— Пить ты не умеешь!

— Будешь учить? Ты же так не любишь объяснять!

— С чего ты взяла?

— Ты же не потрудился объяснить той девчужке в деревне про чуму.

— Она все равно бы не поняла. — Майорин встал и нырнул под навес, какое-то время он там копался. Мне в плечо впился комар, легко пробуравив рубашку, боль осталась где-то на краю сознания, и я с интересом наблюдала, как длинное тельце круглеет от моей крови.

— Перестаешь чувствовать боль — исток просыпается. — Он резко хлопнул меня по плечу, на рубашке осталось красное пятно. — Это первый звоночек.

— А может, дело в самогоне?

— Опьянение хмелем и опьянение силой порой схожи. Ты мало выпила, пей еще. — На плечи мне рухнула моя собственная куртка. Я подняла голову, колдун хитро прищурился. — Еще не хватало простыть.

Как ни странно, он оказался отличным собутыльником. Не рвался изливать душу, не требовал этого от меня, а когда иссякла одна фляга, колдун достал следующую. Злить он меня не пытался, подкалывал, порой задевая за живое, но не специально. А я все пыталась докопаться до ответов, которые он не давал.

— Откуда ты так много знаешь про истоки?

— Нахватался.

— Слишком ты много знаешь для нахватанности.

— Не путай, девочка. — Я скривилась, но промолчала. «Девочка» мне не нравилась чуть меньше «девки». — Ты не знаешь ничего, я знаю немного.

— И что же ты еще знаешь?

— Почти все истоки сходят с ума. Чувствуешь сладкий вкус безумия?

Я помотала головой, чувствовала только, что хмель опутал меня с головы до ног. Колдун сидел, облокотившись на одну руку. Смутившись, я опустила глаза. Я росла среди колдунов и воинов, кто-то был благороден до тошноты, кто-то, наоборот, славился излишним цинизмом, несколько этого не скрывая. Многие были сволочами или любили скабрёзностями загнать девок в краску, а частенько не только девок. Но никого похожего я не встречала. Что-то было в нем иное, будто действительно он не понаслышке знал вкус безумия.

— Ты поехал в Мыльянки. Почему?

— Мимо проезжал.

— Вот и проезжал бы дальше. Ты же послал смотрящего, ему это не шибко понравилось, может и в Инессу написать.

— Пусть пишет. — Колдун запрокинул голову и сделал несколько долгих глотков. Меня передернуло. Фляга вновь смешила хозяина. — Мне все равно.

— Это я уже поняла. Не поняла почему?

— Хм... Если бы он мог меня проклясть и тем испортить мне жизнь, я бы, наверно, заволновался. А так, ну поворчит старичок, помянет меня недобрым словом, накает кляззу в Инессу, а дальше что?

— Сказал бы, что собираешься заехать.

— Я не собирался, — спокойно сказал он. И я поверила. Он и вправду не собирался заезжать, плевать он хотел на задание, плевать хотел на село. Но он заехал. Зачем? Я пристально всмотрелась в блеклые глаза.

— А ты не такая сволочь, как кажется на первый взгляд.

— Деточка, ты опьянела! Вот тебе и мерещится всякое.

— Не называй меня деточкой!

— Девкой?

— У меня есть имя!

— Ах да. Совсем забыл! — Мне захотелось съездить по нагло усмехающейся роже. Колдун этого и добивается, вспомнила я. Но как-то смутно вспомнила. — Дочка Владычицы не может быть девкой! Извините, милая сударыня, но на колдунью

вы похожи больше! Нет, не на колдунью... на кого же? Точно, на девуку.

Самогон внутри вскипел. Я сузила глаза, вскочила, желая ударить, заткнуть ему рот. Ярость окутала сознание багровой пеленой, застилая ленивые мирные зеленые плети хмеля.

— Наконец-то! — довольно выдохнул Майорин. — А теперь заставь его уйти обратно!

— Иди к бесу!

— Спокойно. Тихо. Давай, Айрин, ты сможешь. — Мое имя подействовало будто отрезвляющая пощечина. — Ты сильнее своего истока, это же только часть тебя, неужели ты не сможешь ее подчинить? — Голос ложился третьим слоем пут. — Ты же можешь владеть рукой или ногой. Это тоже часть тебя.

Напряжение достигло предела. Я больше не злилась, но внутри все содрогалось — будто кипела кровь. Исток отпустил меня, отошел назад. Подвели ноги, будто исчезли. Колдун поймал, меня продолжало трясти.

— Молодец. Ты смогла... — Пощечина вышла слабой, но Майорин, кажется, опять удивился.

— Сволочь. — Я оттолкнула руки и ушла под навес — спать.

— Я знаю, — догнал меня тихий равнодушный голос.

Не разговаривать с единственным на несколько верст человеком было невозможно, я сдалась к полудню, потроша очередного зайца. Чувствую, зайчатины я наемся на всю жизнь вперед. Этого колдун убил стрелой, выпущенной из короткого лука, которого у него раньше не было. Также я заметила, что после вчерашней отлучки вещей у него заметно прибавилось. Особенно странно среди походной утвари выглядели книги.

— Откуда ты привез вещи?

— Не бойся, никого на большой дороге я не грабил.

— Просто интересно.

— Оставлял у одной знакомой, а она резко расхотела водить со мной знакомство, пришлось забрать вещи.

— Интересно, почему это? — спросила я у ободранного зайца. Без головы он странно напоминал кошку, только очень уж мускулистый.

— Места много занимают.

Он дождался, пока я сброшу мясо в котелок и налью воды, и позвал к центру поляны.

— Мечом владеешь?

— Да, — кивнула я. Больше вопросов Майорин не задавал,

бросил в меня обструганной палкой (вот что он все утро ковырял!).

— Многих в схватке настигает азарт боя, боевая ярость. Знакомо?

— Ну?

— Не нукай, не запрягала. Забудь. Ты должна мыслить трезво, противник не даст тебе времени постоять и загнать источник подальше. Нападай!

Я примерилась к палке, подбросила ее в руке, приноровливаясь к весу. Отлично выструганный меч, без финтифлюшек, без эфеса, но сбалансированный, как полагается. Шаг вперед, не совсем вперед, чуть скользя, чуть влево. Еще один. Он не стал ждать, мелькнул и оказался у меня перед носом, я с трудом отразила удар.

— Нечестно!

— Да ты что? — передразнил меня колдун. Он злил меня, как не злил никто, бросаясь обидными оскорблениями. Инстинктивно чувствуя мои больные места, мужчина метил именно в них. Палки глухо стучали друг о друга.

Раз за разом я валилась на землю после очередной подножки и вставала.

На упрямстве, на силе воли, на упорстве... но следующей будет злость. Именно к ней вел меня колдун, именно для этого устроил поединок. Хотя поединком назвать это было сложно. Я думала, что хорошо владею мечом, оказалось, не владею вообще. Я чувствовала себя щенком, который скачет вокруг взрослого пса, изукрашенного шрамами былых драк. Щенок наскакивает, пес лениво отталкивает его лапой, иногда позволяет цапнуть мелкими — молочными — зубками за большое изорванное ухо. Но не больше. Щенок злится, рычит, а пес все отталкивает его лапой.

— Всё, хватит. — Майорин бросил палку на землю. — Мое почтение, в бою ты не злишься. Слишком плохо дерешься.

— Что? — Я палку отпустить не успела, метнула в него, не сомневаясь — этот отобьет. Ошиблась, он ее развеял в локте от себя.

— Как там наш зайчик?

— Зайчик? Зайчик! — К котелку я опоздала. Зайчик почернел и годился только на удобрение.

— Ну вот, и готовить ты не умеешь! — расстроено протянул колдун.

— Это из-за тебя! Если бы не ты со своим дурацким боем, я бы про него не забыла!

— Не думал, что ты так долго протянешь. — Майорин достал хлеб и остатки сыра. — Следующего будешь сама стрелять!

— Тогда ты рискуешь загнуться от голода, — мстительно сообщила я,ковыряя ножом сгоревшее мясо в надежде найти хоть что-то съедобное.

— Ты не умеешь стрелять?

— Умею, но отчего-то всегда мимо...

— Тогда рыбу будешь ловить. — Я лишь развела руками. Рыба у меня не клевала, а стоило осенью пойти за грибами, они будто втягивались в почву, дожидаясь моего ухода. Майорин буркнул, что я ни на что не гожусь, и протянул мне сыр. К нашему счастью, поставить на огонь котелок с водой для звара я не успела.

Минуло еще четыре дня. На второй я узнала, что колдун умеет смеяться — мы допили самогон, и я выболтала историю с назначением Филиппа учителем мальчишек-десятилеток. На третий он смешил меня, оказавшись отменным рассказчиком. Майорин поведал мне байку про вирицких стражников, написавших рапорт по «мутному» трупу, который отловил один сознательный житель в городской речке. Беда была в том, что убивали в Вирице не реже, чем в любом другом городе. Совсем уж кровавые дела списывали на теневых, коих с закатом выползало великое множество. Но вот утопленников и «выпавших» из окна старались отрядить в разряд самоубийц и случайных происшествий...

— Этот же, как назло, был прикован к куску гранита и связан. Хитроумный сотник не сдался и сочинил целый опус, который потом на всех углах скандировали неведомо как добравшиеся до бумаги скоморохи. Как выяснилось, сначала мертвец приковал себя цепью к граниту, а потом связал, чтобы не впадать в соблазн открыть замок кандалов, когда начнет тонуть.

Я отдышалась, утирая слезы:

— Надо было добавить: а ключ съел!

— Порекомендую тебя сотнику. Не думаю, что это последний случай, — усмехнулся колдун.

Но и злить меня он не переставал, каждый раз находя все более изощренный способ задеть побольнее. Я послушно зли-

лась, ругалась, когда он в очередной раз подставлял мне подножку. Бесилась, когда бегала по лесу за зайцем, пытаясь попасть в него из лука, утыкав стрелами все окрестные деревья. Заяц оказался счастливым — в него я попасть так и не смогла, а на ужин мы в тот вечер ели кашу. Палки мы крошили одну за другой, один раз мне даже удалось ткнуть этой палкой колдуна, за миг до того, как она рассыпалась пеплом прямо в моих руках. Исток поднимал голову, но послушно стихал. Не знаю, насколько тут было моей силы воли, а насколько спокойного голоса колдуна, вкрадчиво убеждающего исток скрыться обратно и не портить жизнь хорошему человеку. Подозреваю, под «хорошим человеком» он имел в виду совсем не меня.

Мы сидели у костра, мужчина мирно прихлебывал из кружки настой таволги. За эти восемь дней он выспался, загорел и даже раз побрился. Этого подвига хватило ненадолго, с бородой вид у него был благообразный, с трехдневной щетиной — разбойничий. Может, ему действительно шло, может, я просто привыкла, но он перестал походить на неприкаянного бродягу. Обычный молодой мужик, в меру ехидный, в меру упрямый...

— Ладно, по крайней мере, на людей ты больше не кидаешься. Можно и в Инессу ехать.

— Уже?

— Понравилось на вольных хлебах или со мной?

— Невелика наука — тебя терпеть, — фыркнула я, не отвечая на прямой вопрос.

— Если терпишь меня, вытерпишь и других.

— Самомнение притуши, костер не видно, — парировала я, и Майорин довольно ослабилась. Верно, во мне что-то изменилось за эти дни. Он изменил.

— Осталось еще две вещи, но тут я тебе не помощник.

— Почему? — Зря спросила, потому что он ответил.

— Я не буду тебя пытаться и спать с тобой не буду. Да и не думаю, что ты сама захочешь. Или захочешь?

— Пытать?

Он расхохотался. А я, неожиданно для себя, обиделась. Не разозлилась, но надулась как маленькая девочка, заслужив еще несколько шуточек.

Заснуть мне в ту ночь удалось лишь к утру. Я прислушивалась к мерному дыханию колдуна и боролась с желанием разбудить. Задать самый главный вопрос, мучивший меня все во-

семь дней. Вытерпев несколько часов пытки, я все-таки растормошила колдуна.

— Что? — сонно пробормотал он, пытаясь от меня отвернуться.

— Майорин. Проснись же!

— Ну? Там контур. Восемь дней никаких проблем не было...

— Майорин! Почему ты со мной возишься?

— А? — Колдун открыл глаза. — И для этого ты меня разбудила?

— Ответь!

— Дура! — резюмировал колдун.

— Почему?

— И я дурак. Награду хочу от твоей матушки получить, вот верну тебя домой, такую замечательную, целую, невредимую и тупую, как осиновое полено, и построю себе домик в окрестностях Вирицы. Давно мечтал. Ясно? Теперь отстань.

Самое смешное, что это могло быть правдой. Я откинула одеяло и пошла бродить по берегу.

— Айрин, не дури! Иди спать, — окликнул меня навес.

— Иди к лешему! — Ему удалось сегодня задеть меня два раза. И оба не специально. Колдун подкрался, бесшумно вынырнув из темноты, схватил меня за руку и потащил в круг.

— Идиотка проклятая. А завтра ты свалишься с лошади от усталости?

— Беспокоишься о моем здоровье?

— О своем гоноре! — выплюнул Майорин, заталкивая меня под навес. — За тебя живую и здоровую заплатят больше.

— Тогда можешь не беспокоиться. — Я вырвалась. — Я же быстро восстанавливаюсь. Потерпишь меня еще денечек, кости срастутся, и ссадины заживут.

— Спи давай. Боюсь, Владычица с меня еще золота требует за твое возвращение. Ученица!

— И шкуру спустит! — добавила я.

— Спустит. Надо было утопить тебя в речке. Какой шанс упустил. — Я улыбнулась пожелтевшей хвое навеса. Ни о каком гоноре не могло идти и речи. Как и в Мыльнях.

— Ты не из тех, кто проходит мимо, да?

— Мимо тебя бы прошел, ты не в моем вкусе, — буркнул он, привычно устраиваясь на правом боку.

— Спасибо, — прошептала я.

— Еще одно слово, и я тебя свяжу, затолкаю в рот грязную портянку и в таком виде отвезу домой.

— Конечно, — согласилась я, — именно так ты и сделаешь.

2

До Инессы отсюда десять дней пути. Если верхом. Но если сплавиться по Урмале — уже на сутки меньше, а если в Роканке — небольшом городке на север по течению — воспользоваться штатным телепортом, то сократится еще на четыре. Именно так мы и рассчитали дорогу. Но, как известно, колдуны предполагают, а сила располагает.

В Береговницах причал смыло еще весенним паводком, а восстановить руки не дошли. Мы поехали до Боровой переправы, где ходил межбереговой паром, соединяя рассеченные рекой концы восточного тракта, самого оживленного в Велмании. К другому берегу приставала баржа, на которой мы собирались доплыть до Роканки.

Стрелка, кобылка колдуна, начала хромать к вечеру, когда до переправы оставалось пару часов езды. Лошадь сначала оступалась, но послушно рысила, а потом заупрячилась и перешла на шаг. Майорин осмотрел ногу и недовольно цокнул языком.

— Подкова отошла, придется искать кузнеца.

Кузнеца мы нашли в селе у переправы, но добрались туда уже к сумеркам, подстраиваясь под тяжелый шаг охромевшей кобылы.

Паром ушел, а кузнец запил. Майорин не ждал милостей от судьбы и, к радости жены кузнеца, заставил его выпить некую дрянь. Четверть часа мужика тошнило в заботливо подставленный ушат, когда тот переставал блевать, колдун заставлял его пить дрянь дальше. Огромный, на голову выше колдуна и в два раза шире в плечах, кузнец безропотно подчинялся ставшему бесцветным хрипловатому голосу.

— Пей, — повторял колдун.

Удовлетворившись результатом, Майорин вручил кузнецу аванс, лошадь, склянку со стимулятором и отправил в кузню — работать.

На ночлег мы остались здесь же: у кузнеца. Быстро спрятав две серебрушки (можно было и без них обойтись, вывод из недельного запоя — четыре стоит), жена хозяина постелила нам

в зимних комнатах. Кузнец, когда не пил, работал исправно, не без выдумки и зарабатывал хорошо, отстроив себе двухэтажные хоромы, с верхними летними комнатами на втором этаже. Я впервые за десять дней спала на кровати, но отчего-то всю ночь прокрутилась, путаясь в одеяле. Мне на зависть, утром вид у Майорина был довольный и выспавшийся, видно, ему мягкая перинка пришлась по вкусу.

Завтрак добрая женщина накрыла царский, я украдкой сунула в карман пару вареных яичек и потом мучилась совестью, когда она торжественно вручила мне узел со снедью, собранной в дорогу.

Кузнец перековал подкову. Но на паром мы опять опоздали, теперь колдун грозился сдать проклятую скотину на живодерню, живописно разъясняя то ли мне, то ли лошади, что там с ней сделают. А ничего не сделают, думала я. Знала: этот не сдаст. До последнего будет возиться с ней, пытаться вылечить, выходить, а если не сможет, самолично прирежет. Но только если это будет единственный выход. Но описывать грядущие ужасы у него выходило очень красочно.

Пришлось остаться в селе еще на один день. Майорин опять помрачнел, на вопросы отвечал односложно и по возможности старался не разговаривать вообще. Воспользоваться гостеприимством кузнеца второй раз мы не рискнули, сняли комнату в трактире «Большой ясень» — ясень, может, был и большой, да никто его не видел. Трактирчик был маленький, не чета шумному заведению по ту сторону реки. Я больше любила такие маленькие трактиры, где хозяин знает каждого гостя в лицо. Колдун уселся в самом темном углу, попросил себе пива и медленно цедил. И пиво и слова.

— Я пойду погуляю...

— Иди.

Село было огромным, но оставалось селом. Ни каменных или дощатых мостовых, только пыльные дороги. Не было здесь и крепостной стены или даже забора, если не брать в расчет небольшой заставы на берегу, приютившей ратных, следящих за покоем переправы. Около рынка пахло рыбой — Урмала в этом году родила щедро. Я бродила меж домов, заглянула ради интереса в знахарскую лавку. Ассортимент радовал разнообразием и печалил ценами. Можно подумать, они даже пустырник для успокоительной настойки в небесных куцах со-

бирают — серебряный. Грабеж, но ничего не поделаешь — самый оживленный тракт страны.

— Сударыня что-то выбрала? — заискивающе спросил знахарь.

— Сударыня думает, — в тон ему ответила я. — Сейчас она подумает и, пожалуй, уйдет — ее пугают ваши цены.

Знахарь поджал губы и нахмурил редкие бровки, но стерпел.

— Сударыня не похожа на пугливую, она должна понимать, что хорошее лечение стоит любых денег.

— А у вас есть такая мазь, которой можно залепить рану?

— Живящая? — оживился торговец.

— Скорее, закупоривающая. — Я улыбнулась ступору знахаря. Но он честно попытался отработать грабительские цены, уставив прилавок множеством баночек и сверточков. Я добропорядочно перенюхала все. После чего расчихалась и ушла. Напоследок заверив знахаря, что будь у него то, что мне надо, я бы обязательно купила. Но он, похоже, решил, что я издеваюсь.

После пряного запаха знахарской лавки меня потянуло на свежий воздух, и я побрела к переправе, с интересом изучила механизм паромов, курсирующих поперек реки. Быстро устав от гомона толпы, побрела вдоль берега, прочь от заставы за высоким частоколом, с наслаждением пиная мелкую речную гальку босыми ногами — сапоги я несла в руке.

— Сударыня не боится одна гулять? — Сперва мне подумалось, что меня выследил знахарь — мстить за унижение, больно фраза построена похоже была. Но потом сообразила, что молодой борзый голос не может принадлежать тихому, дребезжащему всем телом старичку. Внешность оказалась под стать голосу: пшеничные волосы чуть не достают до плеч, яркие голубые глаза нагло меня изучают, хотя изучать в общем-то особо нечего. Парень, молодой и статный, прекрасно знал, что хорош собой. Он белозубо улыбнулся и подошел ближе.

Я не из тех женщин, которые хороши из любого положения, а подступиться ко мне сейчас можно только спяну или сослепу: потрепанная рубашка выпущена из штанов, которые за неделю жизни в лесу подозрительно на мне болтались, ресницы и брови наверняка выгорели, а волосы заплетены в толстую косу. Сама по себе коса была ничего... может, на нее польстился...

— Вы меня испугались?

— Что вы, милсдарь! Просто мучаюсь догадками, отчего такой почтенный молодой человек заинтересовался моей ничемной персоной.

Он смеялся так, будто я удачно пошутила. Но глаза не смеялись, только рот.

— Боюсь, сударыня не раз слышала подобные ответы.

— Но я все равно с удовольствием послушаю, — весело сказала я, пятясь от него. Мой кавалер это заметил, резко махнул рукой, будто шутливо приветствуя кого-то.

К горлу лег нож.

— Я видел тебя с колдуном из Инессы, — начал объяснять-ся белобрысый.

— С каким именно? — задиристо уточнила я.

— А ты не промах. Хотя не знаю, что он в тебе нашел.

— Тебе не найти, ума не хватит. — Хамить не стоило, нож сильнее впился в горло. Лишь бы не прорезал кожу.

— Где этот ублюдок? Я видел вас вместе вчера! — Значит, речь шла о Майорине. Уже легче.

— Гуляет. Я ему не нянька.

— Дура, я убью тебя, а выроodka этого все равно найду. Неужто жить не хочешь?

Язык мой заметал вперед меня:

— Без него мне и свет белый не мил. Но ты меня не убьешь, убьют твои слуги, а ты будешь смотреть, как они меня убивают, как все трусы. — Пороdistое лицо залилось краской, вот кому надо было жить в лесу с колдуном, уж тот бы отучил его злиться. А язык надо бы откусить. Он кивнул своему слуге, лица того я не видела. Нож исчез, теперь на шею мне давила жилистая рука. Белобрысый размахнулся и заехал мне кулаком в живот. Воздух со свистом вылетел из легких, я скрипуче застонала.

— Говори. — Все равно ведь найдут. Предупредить бы... Второй раз он ударил меня по почкам.

— «Большой яшень», — выдавила я. Белобрысый сделал подручному знак, тот плотнее прижал меня к себе. Белобрысый снял кожаный браслет с моего запястья и ушел.

Первое, что сделал подручный, связал мне руки и ноги. Я брыкалась, пыталась вырваться, но после ударов белобрысого двигалась вяло. Слуга затянул последний узел и бросил меня на камни. Я больно ушиблась щекой о гальку, но кожа удержалась — не лопнула.

Лежать на холодных камнях со стянутыми за спиной руками не слишком умиротворяющее дело. Злиться в таком случае естественно. Я старательно убеждала себя в этом. Злиться надо так, чтобы только разбудить исток. Но вожжи не отпускать. Исток лишь часть меня, часть, которая мне подчиняется...

Был в моей жизни день, который я старалась никогда не вспоминать. Я закрыла глаза, шаг за шагом перебирая каждый миг того дня с наслаждением мазохиста. Когда я открыла глаза, вокруг меня шевелились камни.

«Даже чистая сила может быть оружием. Позже ты научишься ею управлять».

Пока Майорин учил меня не злиться, я училась злиться тогда, когда посчитаю нужным. Я привыкла учиться всему сама, не дожидаясь учителей, да и что они могли дать человеку?

Камень, выбранный мной, задрожал.

«Злость это не самый лучший союзник, Айрин, можно растормошить ею исток, но чтобы им управлять, потребуется трезвый ум».

Камень оторвался от земли. Но тут же упал обратно. Подручный обернулся, помахал передо мной ножиком. И тут слова колдуна дошли до моего сознания особенно ясно. Чистая сила — тоже оружие.

Мне не нужен был камень! Сила хлынула из меня, подчиняясь мне полностью, безраздельно. Хлынула в подручного, лучше любого камня огрев его по макушке. Мужчина завалился на землю, застонал и затих.

Мне потребовалось некоторое время, чтобы успокоиться и усмирить исток, намного меньше, чем раньше. Я, как большой червяк, подползла к ножу, перевернулась, села и начала пилить веревки.

Встала я со второй попытки, но исток добросовестно восстанавливал ущерб, нанесенный его вместилищу, и боль постепенно отползала.

Нож я забрала в качестве трофея.

Однажды в Инессу приехали цитадельские маги. Главный из них сидел в нашей горнице, когда я принесла вино и моченые яблоки (служанок — хордримских девушек, мать погнала, слишком важным был разговор).

— Владычица бережет силу, не тратит по пустякам? — спросил гость, стараясь задеть собеседницу.

— Берегу. Не след разбрасываться чарами, когда сгодятся и споровистые руки.

— В Инессе недостает источников или чародеев? — И первого и второго было в достатке.

— Не обманывайтесь, милсдарь. Но если мои чародеи потеряют силу, они возьмутся за мечи. И в этом не оплошают.

Гость тогда смолчал, но снисходительный тон оставил, присматриваясь к инесским колдунам — у каждого при себе было оружие, и каждый им владел.

Женщины зависели от магии больше, может, оттого я провела полжизни, обучаясь держать в руках оружие или биться в рукопашной. Хмурили брови седые старцы — не след девушке хвататься за холодную сталь, когда рядом есть мужчины.

Нож удобно лег в руке, прячась в просторном рукаве, я знала — тонкая льняная ткань не сдержит хорошего клинка, а клинок был хорош. Я зашнуровала сапоги, мало ли что под ногу попадет. Острый камень или ореховая скорлупа одинаково больно поранят стопу. Сапоги шили для меня. Ни каблука, ни деревянной подошвы, только несколько слоев толстой, грубой кожи, в таких можно бежать, не боясь оскользнуться. И я побежала.

Быстро и легко по берегу, чуть медленней в толпе у причала, от меня отшатывались, кричали вслед, но я все бежала, считая вдохи и выдохи. Событься здесь — собыются и ноги. Еще одна наука отроков в Инессе — раз прошел, не забудешь никогда. Пронесешься по лесу, а потом закроешь глаза и расскажешь наставнику, что видел по дороге. Не поленится, сходит проверить. Выворачивать на улочку, где стоял «Большой ясень», я не стала, свернула на параллельную.

Обогнув трактир, заглянула в окно, распаханное по летнему времени. Мы с белобрысым добрались почти одновременно. Видно, он еще ждал подкрепления, да шел пешком.

Один прийти к колдуну он не решился, знал, с кем дело имеет. Удивительно, но не подстерег, как меня, в безлюдном месте. Или наоборот? Боялся остаться с белоглазым колдуном без свидетелей, думая, что не переживет такой встречи?

— Рон, — без удивления прошелестел холодный голос, — пришел-таки?

— Что же ты от меня по углам прячешься? Боишься?

— Руки марать неохота. — Рон заскрипел зубами, но дернувшимся было подручным показал стоять за спиной. Я осто-